

Отзыв
официального оппонента
на диссертацию Артёма Владимировича Носова «Сакрализация пространства
основателями русских монастырей в XIV – XV веках»,
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 5.6.1. – Отечественная история

Представленная к защите диссертация Артёма Владимировича Носова посвящена малоизученной, однако актуальной, безусловно интересной и крайне важной для понимания русского церковного прошлого, как, впрочем, и нашего настоящего теме: иеротопии древнерусских монастырей, а также усилиям настоятелей обителей по формированию таких пространств. Основой для исследования послужили многочисленные источники в том числе житийные тексты XIV–XV вв. Судя по объёму привлечённых материалов, тому, как исследователю удалось их рассмотреть, выявить информацию, сформулировать научные проблемы и предложить свои наблюдения и выводы, работа вполне может рассматриваться, во-первых, в качестве хорошего примера глубокого, оригинального и вдумчивого исследования, а, во-вторых, без какого-либо преувеличения может характеризоваться как важное научное событие для тех, кто посвятил свою жизнь изучению Древней Руси.

Между тем стало бы неоправданным преувеличением полагать, что проблема сакральных пространств храмов и монастырей русского средневековья, как, впрочем, и более позднего времени, малоинтересна и находится на периферии научных запросов. Отнюдь. Труды и усилия в области изучения иеротопии отмечены десятками имён, среди которых значатся имена Алексея Михайловича Лидова, Татьяны Александровны Матасовой, Ирины Леонидовны Маньковой и многих других. Между тем, ярких работ действительно не так много, как бы того хотелось, что во многом объясняется сложностью области изучения. Здесь от учёного ожидается применение междисциплинарных подходов и предельное погружение в изучаемый материал. И в отмеченном контексте исследование Артёма Владимировича является успешным продолжением усилий, предпринятых несколькими поколениями учёных по изучению древнерусского церковного наследия. Знакомство с текстом диссертации позволяет уверенно говорить, что данное исследование вносит в эту копилку знаний по истории и культуре Руси свой достойный и заслуживающий внимания вклад. Достаточно заметить, что, обращаясь к изучению сакральных пространств, большинство исследователей основывались преимущественно на данных археологии и архитектуры. Труд же Артёма Владимировича опирается на значительно более широкий пласт источников, включающий сообщения агиографических текстов, понимание и интерпретация которых крайне сложны. Между тем, исследование А. В. Носова тот счастливый пример, когда столь сложный, но интересный источник стараниями учёного действительно открывает перед исследователем свои двери в прошлое.

Структура диссертации видится последовательной, логичной, хорошо продуманной и отражающей особенности комплексной работы с источниками. Цели и задачи выверены, а методология хорошо продумана. Суждения автора, как уже было отмечено, опираются на широкий пласт источников и исследований. А последовательное, спокойное и порой образное повествование позволяет погрузиться в изучаемый материал, следуя за внимательной к деталям авторской мыслью, стремящейся различать детали, находить особенности и выявлять единство. Автор не только хорошо сформулировал свои цель, предмет и объект исследования, но и удачно, профессионально ограничил круг своих исследований. Последнее обеспечило

возможность максимально полно и глубоко разобраться с темой, добиться точности и образности мысли, ясности формулировок и адекватности выводов.

Работа начинается с обширного введения, позволяющего получить достаточно полное представление о привлечённых к работе источниках и историографии вопроса, и состоит из четырёх глав, формулировки которых представляются настолько удачными, что без преувеличения могут служить основой для дальнейших масштабных научных в том числе диссертационных исследований по истории русского монашества.

Так уже первая глава «Основание монастырей XIV – XV вв. по данным храмозданных грамот и агиографии» вполне могла бы со временем превратиться в самостоятельную большую публикацию или даже развиться в комплекс работ, призванных раскрыть то, кем, как, почему и ради чего создавались иноческие поселения, а также при каких условиях они приобретали статус монастыря. Действительно, в научной литературе при описании ранней истории тех или иных обителей далеко не всегда различается собрание иноческой общины и акт признания таковой в качестве монастыря. Однако в предложенной формулировке проблема возникновения монастырей выходит далеко за рамки сугубо исторического исследования, тесно переплетаясь с вопросами канонического права. Остается лишь резюмировать: при том, что в той или иной мере некоторые аспекты создания монастырей рассматривались в историографии (отмеченное хорошо показано в первом параграфе рассматриваемой главы), первые усилия по её комплексному исследованию предприняты только совсем недавно – в данном диссертационном исследовании и в двух предшествующих ему ёмких и содержательных статьях А. Е. Тарасова, являющегося к тому же научным руководителем А. В. Носова. Таким образом, в данной главе представлено первое в своём роде комплексное исследование процедур и порядка создания и признания монастырей.

Не менее интересны последующие главы: «Природно-географические характеристики места расположения будущего монастыря», «Практики сакрализации пространства: начало», «Кульминация и завершение сакрализации пространства». Здесь автор опирается преимущественно на сообщения агиографии, делая акцент на природных ландшафтах, где поселялись иноки, и на внутреннем мире монашествующих, представляя процесс создания обители в качестве духовного подвига и иноческого восхождения по ступеням совершенства. В этом совершенстве ценно всё: молитва, труды, намерения и конечно весь тот мир, который окружает черноризца, пришедшего построить обитель.

Профессионально и вдумчиво прописаны выводы диссертационного исследования. Предложенные автором выводы позволяют не только подвести итоги проделанной большой работы, но и, что особенно ценно, увидеть перспективы для дальнейших исследований.

Между тем, «жанр» отзыва предполагает не только комплементарные заявления, но и замечания. Применительно, но применительно к данной работе это сделать несколько сложно, что объясняется высоким качеством представленного к защите труда. Поэтому более целесообразным представляется предложить для автора некоторые суждения, которые, возможно, окажутся интересными для последующей работы.

Прежде всего, проведённый автором анализ агиографических текстов позволяет заключить, что представления агиографов различных эпох во многом совпадают, опираясь на предельно устойчивые представления о том, каким образом происходило возникновение обители, приобретение ею статуса монастыря и сакрализация пространства, где совершался иноческий подвиг. Однако некоторые вопросы, возникающие при чтении диссертации, остаются без ответа. Например, откуда при учреждении монастыря появляется обычай установления креста? Иноческие практики

на Руси при всём своём своеобразии, в целом ориентировались на традиции, заимствованные в Византии, что, впрочем, не мешало новгородцам и псковичам быть чуткими и восприимчивыми к тому, что они видели у своих «западных» соседей. Что же касается Византии, то упомянутые правила действительно предусматривали установление в обители креста. Всё происходило по воле епископа в качестве зримого символа его власти и признания монашеского поселения полноправным монастырём. Для того, чтобы иноки получили данную санкцию, их общий «дом» должен был соответствовать определённым критериям, включавшим в себя в том числе наличие целого ряда строений и церкви. При этом в монастыре не только должен был устанавливаться крест, но и в специальной книге в епископской канцелярии производилась соответствующая запись. Отмеченный порядок закреплён в I главе V Новеллы Юстиниана: «Прежде всего прочего следует сказать о том, что во всякое время и во всякой земле нашей империи если кто-либо захочет основать святой (εὐαγές) монастырь, то он не вправе делать этого, пока не пригласит боголюбивейшего епископа тех мест, и тот, с молитвой воздев руки к небесам, посвятит то место Богу, водрузив на нем символ нашего спасения (мы имеем ввиду чтимый и во истину честной крест). Таким образом, заложив некое благое и достойное основание, <можно> начинать строительство. Таковым да будет благочестивое начало создания святых монастырей»¹. Таким образом, присутствие в обители креста являлось зримым знаком святительской ставропегии (в данном случае юрисдикции). Однако здесь необходимо отметить, что в отношении домонгольской Руси ничего подобного в источниках не упоминается. Ничего, по крайней мере, на сегодня, не известно о водружении в XI-XIII вв. ни епископских, ни каких-либо иных крестов в Киеве и южнорусских монастырях. Даже более поздняя практика повсеместного установления крестов в Южной Руси являлась, скорее всего, являлась не результатом переосмысления и заимствования византийских, а усвоения европейских, скорее всего, польских практик, что в целом нуждается в отдельном осмыслении и уточнении.

Некоторым исключением являлись т.н. «ирландские» кресты в Новгороде, связь которых с ирландской монашеской традицией всё же не так однозначна. Однако в любом случае – скорее всего, её необходимо рассматривать как результат переосмысления в землях Новгорода не столько греческих, сколько западных церковных традиций.

Более того, в домонгольский период, большинство известных монастырей, например, Киева было открыто без санкций епископов. Во всяком случае до митрополита Иоанна II, деятельность которого была отмечена освящением Успенского собора Печерского монастыря и Янчиного монастыря апостола Андрея, об активных взаимодействиях кафедры и иночества ничего не известно. Правда, активная роль епископов в открытии монастырей присутствовала в Новгороде и отчасти прослеживается в Полоцке, Смоленске и Ростове. Между тем, ни о каких крестах, которые по идее должны были бы водружаться после утверждения власти архиереев, источники не упоминают. Не вызывает сомнения то, что иноческий подвиг, тем более молитвенный предполагал столкновение с проявлениями инфернальных сил. Этот опыт описан в том числе в житии преп. Феодосия.

И всё же необходимо отметить, что основное внимание исследователя было сосредоточено на иноческих практиках и монастырях Северо-Восточной Руси. Однако насколько оправданно переносить описанный в диссертации опыт иноческой жизни на иные территории Руси? В отмеченном контексте видится перспективным в дальнейших исследованиях, во-первых, сопоставить описанные автором исследования практики

---

¹ Максимович К. А. Законодательство императора Юстиниана I О монашестве (часть I): Новеллы V и LXXIX // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I: Богословие. Философия. 2007. № 4 (20). С. 40.

открытия монастырей в Северо-Восточных землях Руси с теми практиками, какие можно выявить в отношении иных древнерусских земель. Правда, это значительно расширяет географические рамки исследований и усложняет их. Во-вторых, было бы интересно посмотреть, как изменялись практика учреждения монастырей по протяжении всего русского средневековья. Высказанное ни в коем случае не является замечанием. Скорее, это пожелания на будущее.

Примечательной стороной работы стала удачная попытка посмотреть на сакрализацию монастыря в природных ландшафтах. Однако, как это видится, в перспективе можно было бы посмотреть и на то, как происходила сакрализация социального пространства, встраивание монастырей в жизнь местных сельских и городских общин, княжеского и боярского хозяйств, списывания монастырей в систему дорог, торговых, политических и иных связей. При том, что хозяйственная история монастырей хорошо изучена и описана, как хорошо исследованы многие вопросы, связанные с процессами монашеской колонизации и политических отношений, взгляд на эти аспекты деятельности иночества, особенно на начальном этапе создания обителей представляются ещё не вполне разработанными. При этом возникает вопрос: а насколько в самой церковной среде, прежде всего системе церковного управления осознавалась и оценивалась сакральная сторона процесса насаждения монастырей? Несомненно и заданный вопрос, и искомые ответы существенно расширяют объект исследования. Однако здесь можно было бы посмотреть на создание монастырей не только через призму иноческой агиографии, но и через призму церковной и политической власти. Более того, понимали ли владельцы тех территорий, на которых возникали обители сакрализующую ценность монашеского поселения? Знакомство с документами XVII-XVIII вв. демонстрирует, что отношение местного населения и феодалов к монастырям чаще всего было лишено какого-либо пиетета и духовного почтения. Материальная составляющая деятельности иночества виделась их современникам нередко более приоритетной, чем духовная жизнь обителей. При всей сложности такого расширения проблемного поля, появится возможность взглянуть на процессы сакрализации пространства не только через призму книжников, но и через призму людей, не обременённых подобными переживаниями и размышлениями. Однако именно эта сложность позволит увидеть жизнь обителей и труды её насельников в том числе по преобразению пространства вокруг монастырей глубже.

Впрочем, в идеальном варианте – подробное сопоставление было бы хорошо сделать и в отношении Византии, южнорусских земель, а также государств Восточной, Западной и Северной Европы. Такой подход позволил бы увидеть то, как иноческие практики на Руси вписывались в общехристианский контекст исследуемого времени. Такое сопоставление видится оправданным и в силу не только самых тесных канонических связей между церковными центрами Руси, греческого мира и южнославянских государств. Причём эти связи хорошо прослеживаются как в литературных и канонических текстах, так и миграциях, например, на Афон. Причём в этом случае можно выявить и взаимовлияния. Впрочем, безусловно, данное предложение обращено к будущим работам автора диссертации.

К числу несомненных достоинств исследования можно отнести способность автора удерживаться в рамках научной критики при работе с агиографическими и иными церковными источниками. Последнее не всегда удаётся исследователям, которые при работе с житийными произведениями либо впадают в крайность полного отрицания отмеченного корпуса источников, либо, напротив, идеализируют таковые и принимают их сообщения с искренней верой без должной критики.

Идеи автора во многом новы, продуманы и располагают к размышлениям. В совокупности со спокойным академичным изложением, на которое уже было обращено

внимание, и с хорошим литературным языком диссертация оставляет самое приятное послевкусие от прочтения хорошего и глубокого текста.

Как мне видится, данная диссертация при незначительной доработке вполне могла бы быть издана в качестве монографии. Считаю, что представленный к защите труд окажется интересным не только в научной среде, но в значительно большем кругу лиц, интересующихся историей Русской церкви и русского средневековья. Остаётся лишь пожелать Артёму Владимировичу Носову успешного продолжения начатых им исследований.

Автореферат полностью соответствует диссертационному исследованию, а сама диссертация А. В. Носова «Сакрализация пространства основателями русских монастырей в XIV – XV веках» отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.6.1 – Отечественная история (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, она оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, Носов Артём Владимирович заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история.

Официальный оппонент:

доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры исторических наук
и архивоведения ФГБОУ ВО
«Московский государственный
лингвистический университет»

27.09.23

Гайденко П.И.

П.И. Гайденко

Контактные данные:

тел.: +7 (499) 245-21-27, e-mail: prof.gaydenko@rambler.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация: 07.00.02
– Отечественная история

Адрес места работы: 119034, г. Москва, Остоженка 38, стр. 1

Тел.: +7 (499) 245-06-12, e-mail: info@linguanet.ru

Подпись Гайденко П.И. заверяю:

*Зач. на основании
управления кафедрой
В.В. Белоконов П.И.*